

Российско-японские энергетические отношения в контексте украинского кризиса

Научный руководитель – Парамонов Олег Геннадьевич

Вэй Цзяо

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики, Москва, Россия

E-mail: tsvei@edu.hse.ru

Энергетическое сотрудничество России и Японии, основанное на ресурсно-технологической взаимодополняемости, исторически базируется на асимметрии интересов: Япония (94% зависимости от импорта углеводородов) и Россия (потребность в технологиях освоения Арктики и Дальнего Востока) сформировали институциональную модель партнёрства через проекты «Сахалин-1» (2005) и «Сахалин-2» (2009). При участии Mitsui (22.5%) и Mitsubishi (10%) в «Сахалин-2» ежегодный экспорт СПГ достигал 10 млн тонн (9% японского рынка), обеспечив Токио диверсификацию поставок (снижение зависимости от Ближнего Востока на 14% в 2010–2019 гг.) и конкурентные цены в АТР [3]. Россия укрепила позиции энергетического хаба, апробировала арктические концессии и получила технологии шельфовой добычи. Системным эффектом стало мультивекторное взаимодействие, объединившее российские ресурсы с азиатскими инвестициями.

Украинский кризис 2022 года спровоцировал институциональный кризис в российско-японском энергетическом сотрудничестве [2]. Присоединение Японии к санкционному режиму G7, предусматривающему эмбарго на поставки энергетических технологий и заморозку активов, привело к свёртыванию новых инвестиционных инициатив, несмотря на сохранение доступа к 6% объёмов СПГ через удержание 10-процентной доли в проекте «Сахалин-2» [1]. Российская сторона, пытаясь компенсировать потери, активизировала переговоры о передаче Токио 10-процентной доли в проекте «Арктик СПГ 2» в рамках соглашения 2019 года, однако приостановка реализации проекта на фоне технологической зависимости от европейских подрядчиков существенно ограничила прогресс в данном направлении [4].

Попытки возобновления взаимодействия через арктические инициативы («Арктика 2.0»), включая совместные разработки в области ледокольного судостроения, сталкиваются с системными ограничениями, обусловленными жёсткой привязкой японской внешней политики к санкционным механизмам G7. На текущем этапе энергетическое сотрудничество трансформировалось в инструмент риск-менеджмента [5], чья устойчивость определяется двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, экономической рентабельностью арктических проектов в условиях ужесточения экологических стандартов и роста себестоимости добычи, во-вторых, способностью Японии балансировать между глобальной повесткой декарбонизации и прагматичными исключениями из санкционного режима, направленными на обеспечение энергетической безопасности [6].

В представленном исследовании последовательно анализируется эволюция энергетической политики России в условиях западных санкций и механизмы обеспечения энергетической безопасности Японии в контексте её присоединения к санкционному режиму. Во второй части детально рассматриваются ключевые проекты российско-японского энергетического сотрудничества, включая сахалинские проекты («Сахалин-1» и «Сахалин-2») на Дальнем Востоке, а также арктические инициативы — Ямальское газовое месторождение и проект «Арктик СПГ 2». Отдельное внимание уделяется роли Китая как фактора,

оказывающего структурное влияние на динамику взаимодействия Москвы и Токио в энергетической сфере.

В заключении выдвигается гипотеза о перспективах энергетических отношений после потенциального завершения украинского кризиса. Автор аргументирует тезис о сохранении пессимистичного сценария, предполагающего возврат к докризисному уровню сотрудничества (до 2022 года), что обусловлено комплексом причин: институциональной эрозией доверия, технологическими ограничениями в арктических проектах и трансформацией глобальных энергетических рынков под влиянием декарбонизационной повестки.

Источники и литература

- 1) Корнеев Константин Анатольевич, and Кистанов Валерий Олегович. "Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией" *Восточная Азия: факты и аналитика*, no. 4, 2024, pp. 80-92. doi:10.24412/2686-7702-2024-4-80-92
- 2) Лукин А. Л., Волощак В. И., Севастьянов С. В. Взаимодействие российского Дальнего Востока с Японией и Южной Кореей в условиях санкционных ограничений // *Японские исследования*. – 2025. – №. 4. – С. 87-105.
- 3) Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы. *Японские исследования*. 2022;(3):84-104. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-3-84-104>.
- 4) Нелидов Владимир Владимирович. "Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение" *Восточная Азия: факты и аналитика*, no. 4, 2023, pp. 91-102. doi:10.24412/2686-7702-2023-4-91-102
- 5) Стрельцов Дмитрий Викторович. "Российское направление политики Японии в Арктике" *Японские исследования*, no. 2, 2021, pp. 110-126. doi:10.24412/2500-2872-2021-2-110-126
- 6) Чижевская М. Санкции Японии и ЕС против российского энергетического сектора в условиях кризиса 2022 г. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, т. 68, № 1, сс.85-94. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-85-94>